

Глава 46. Деревня Цзюаньлоу 11

А-Мань поднялся на ноги, отряхнул с одежды травинки и, лениво потягиваясь, направился в деревню:

— Лучше положиться на себя, чем докучать божествам.

Девушка: «...?»

Она последовала за А-Манем, с подозрением глядя на него:

— Братец, ты сегодня какой-то странный.

А-Мань склонил голову набок:

— В каком смысле?

— Обычно ты никогда не засыпаешь на улице, а сегодня не только уснул, но и долго не просыпался.

Девушка убеждённо сказала:

— Может, всё же сходим помолимся Богу-Барану? Или попросим бабушку тебя осмотреть?

Под «бабушкой» она имела в виду не их бабушку или прабабушку, а деревенскую шаманку.

А-Мань вздохнул.

Девушка:

— Братец.

А-Мань сдался:

— Раз моя милая сестрёнка так говорит, как я могу отказать?

Девушка рассмеялась, радостно подталкивая его в другую сторону:

— Как раз можем зайти к сестрице А-Гуань. Я слышала от папы с мамой, что сестрица А-Гуань ждёт ребёнка.

Она показала на свой живот:

— Теперь понятно, почему мы так давно не видели сестрицу А-Гуань.

... А-Гуань.

В глазах А-Маня мелькнуло понимание.

А-Гуань была самой красивой женщиной в их деревне, она вышла замуж за сына шаманки, А-Юна, самого умелого мужчину на деревне.

Дома в деревне в основном были построены из досок и бамбука, только дом шаманки отличался — он был сложен из камня. И из поколения в поколение в их роду были шаманки, связующие деревни с Богом-Бараном.

А-Юн, хоть и не был девушкой и не мог стать шаманом, но его жена могла. А сам А-Юн не только обладал недюжинной силой от рождения, но и, по слухам, мог с помощью шаманки призвать в себя божество.

Поэтому он был самым умелым мужчиной в деревне, и все мужчины хотели быть похожими на него.

Только сейчас всюду полыхала война, и А-Юн ушёл воевать. Он был единственным, кто ушёл из деревни, остальные же хотели спрятаться в этих горах, избегая сражений вовне.

А-Мань с сестрой добрались до дома шаманки и увидели А-Гуань во дворе, что-то перебирающую, с тенью тревоги на лице.

— Сестрица А-Гуань!

Но, услышав оклик сестры, она подняла взгляд, и её лицо смягчилось:

— А-Ин.

А-Гуань спросила:

— Что вас привело?

— Братец плохо себя чувствует. — А-Ин взяла А-Маня за руку и подвела к ней. — Сестрица А-Гуань, раз ты ждёшь ребёночка, ты ещё можешь колдовать?

Она была ещё мала и не до конца понимала такие вещи. А-Гуань не стала углубляться в объяснения, всё равно ребёнку этого не понять:

— Конечно.

Она протянула руку к А-Маню:

— Дай посмотрю.

А-Мань подал ей руку.

Её пальцы легли на внешнюю сторону его запястья, и она несколько мгновений внимательно слушала:

— Ничего серьёзного.

А-Гуань тихо спросила его:

— Может, в последнее время ты мало ел?

Не сказала бы — и ничего, а то напомнила, и живот А-Маня предательски заурчал.

А-Мань опустил взгляд:

— Ага. Папа с мамой говорят, урожай в этом году плохой.

А-Гуань вздохнула, немного помедлила, но всё же попросила их подождать, затем вошла в дом и принесла две паровые булочки:

— Поделитесь с А-Ин. Только никому не говорите.

А-Мань взял булочки, и на сердце у него необъяснимо стало тяжело:

— ... Спасибо, сестрица А-Гуань.

Но он вернул булочки обратно в руки А-Гуань и велел А-Ин не брать. В его возрасте он уже многое понимал:

— Оставьте себе. Ребёнку в вашем животе нужнее.

А-Гуань на мгновение застыла, затем тихо рассмеялась:

— А-Мань повзрослел, уже столько понимает.

А-Мань ничего не добавил, лишь дёрнул сестру:

— Тогда мы пойдём.

А-Гуань кивнула, но всё же добавила:

— Если будет нужна помощь, всё равно приходите ко мне.

А-Мань взглянул на неё, но не успел ничего сказать, как появилась шумная толпа.

Это были сельчане, во главе с дядей А-Маня, с лопатами и другим сельхозинвентарём в руках. И выглядели они крайне угрожающе.

А-Мань невольно замедлил шаг, незаметно прикрыв собой А-Гуань.

А-Гуань заметила его жест, и сердце у неё смягчилось. Она же, повысив голос, спросила сельчан:

— Дядя Фань, что случилось?

Главным был Ян Цяньфань, он же староста деревни.

Его лицо было мрачным, а тон был недобрым:

— Где твоя мать?

А-Гуань ответила:

— Мать ушла в горы за травами.

Она сделала небольшую паузу, и тихим голосом, продолжила:

— Я знаю, зачем вы пришли, дяди. У этого дела будет развязка, просто прошу вас подождать ещё несколько месяцев... Не торопитесь.

Несмотря на умоляющий взгляд А-Гуань, Ян Цяньфань и остальные не поддались. Мужчина невысокого роста, но крепкого телосложения, стоявший за Ян Цяньфанем, злобно выкрикнул:

— Сколько раз твоя мать уже молилась богу?! Бог-Баран хоть раз ответил?! Если не в твоей матери проблема, значит, в Боге-Баране!

— Дядя Цян! — голос А-Гуань тоже стал резким. — Говорите что угодно, но только не порочьте Бога-Барана!

Получив такой выговор, да ещё от младшей, мужчина по прозвищу дядя Цян почувствовал, что потерял лицо, и его выражение лица стало ещё мрачнее:

— Вся ваша семья так защищает Бога-Барана! Может, эта беда ваших рук дело, просто вы с этим так называемым Богом-Бараном сговорились, чтобы принести в жертву всю деревню!

Услышав это, А-Гуань ещё не успела ничего сказать, а А-Ин уже заволновалась.

Но она не успела вымолвить и слова, как А-Мань слегка дёрнул её, прикрыл собой и жестом велел не вмешиваться.

А-Ин, поджав губы, подняла на него взгляд, полный недоумения и возмущения. А-Мань мысленно вздохнул и спокойно заговорил:

— Дядя Цян, не хорошо так говорить.

Его тон был небрежным, с оттенком отстранённого безразличия:

— В прошлом году были сильные дожди, бабушка молила бога остановить ливень, и на следующий день потоп прекратился. Я помню, именно вы первым заявили, что Бог-Баран нас защищает, что Бог-Баран явил силу, что Бог-Баран такой-сякой... Вы тогда столько хвalebных слов наговорили, что даже образованные братья в деревне позавидовали бы.

— И ещё засуха позапрошлого года, сели и наводнения несколько лет назад... Все эти годы, каждый раз, когда бабушка успешно вымаливала у Бога-Барана дождь, это вы твердили, что нужно построить Богу-Барану новый храм. Бабушка передавала волю Бога-Барана, что не нужно таких масштабных построек, а вы всё твердили, как велик Бог-Баран... От этих слов у меня даже в ушах звенит. И что же, один отказ — и все прежние явления силы

аннулировались?

Его слова были разумны, но кто-то из толпы выкрикнул:

— А-Мань, ты ещё мал, ничего не понимаешь, не лезь не в своё дело. Сейчас повсюду искореняют суеверия, Бога-Барана вообще не существует...

— Заткнитесь!

Всегда мягкая А-Гуань, услышав это, наконец разгневалась. Она схватила стоявший рядом стул и швырнула его в них:

— Чтобы потом вы не плакали и не умоляли Бога-Барана помочь вам!

А-Мань не понимал, почему она так уверена в существовании Бога-Барана. Но ещё больше он не понимал себя. Хотя он и вырос под защитой Бога-Барана, но... не испытывал к нему ни капли почтения. Не то чтобы не испытывал, просто не было никаких чувств. Хотя насколько он помнил Бог-Баран всегда охранял его, их, всех, кто ему дорог... но его душа...

А-Мань не знал, как это объяснить. В общем, странно это.

Но как бы ни было странно, это не мешало ему заступиться за А-Гуань.

В конце концов, Бог-Баран и вправду много раз являл силу и помогал им.

К тому же, ему претили такие слова и поведение Ян Цяньфаня и остальных.

Увидев, как А-Гуань разозлилась, Ян Цяньфань и другие всё же вспомнили, что она беременна, и, если что случится, будет нехорошо.

Сейчас ситуация была тяжёлой, но ещё не дошло до того, чтобы не осталось ни крошки еды, поэтому несколько человек, смущённо переглянувшись, не стали дальше буянить, бросили пару угроз вроде «лучше молитесь, чтобы беда поскорее прошла, иначе ваша семья первой пострадает» и ушли.

А-Гуань же не придавала этому значения. Когда А-Мань поднял и вернул ей стул, она с улыбкой сказала ему:

— Спасибо, А-Мань. А-Мань — хороший мальчик.

А-Мань посмотрел на удаляющиеся спины Ян Цяньфаня и остальных и ровным тоном произнёс:

— Сестрица А-Гуань, в дальнейшем будь осторожнее. Если ситуация не улучшится, эти люди, боюсь, не станут долго ждать... Неизвестно, на что они способны.

Сейчас в деревне дела плохи, урожай скудный, все семьи доедают прошлогодние запасы, свиней, уток, кур и прочую живность уже почти всю забили. Вчера семье А-Маня пришлось зарезать свою сторожевую собаку, засолить мясо и оставить на потом.

Но так дальше продолжаться не могло. А-Маню казалось, что, если так пойдёт и дальше, люди обратят взор на «мясо», что находится совсем рядом.

Странно.

Судя по воспоминаниям, он понимал, что не должен так разочаровываться в человеческой природе и строить такие мрачные предположения, но он...

Услышав слова А-Маня, А-Гуань тоже опешила.

Хоть она и росла без родителей, но с детства жила в этой деревне, в этих горах, её мышление не было особо просвещённым, и зла в человеческой природе она видела крайне мало. Поэтому А-Гуань усмехнулась и не придавала словам А-Маня большого значения.

После А-Мань с А-Ин вернулись домой. По дороге А-Ин всё причитала:

— Бедная сестрица А-Гуань.

А-Мань опустил взгляд, погладил её по голове, но ничего не сказал.

А-Ин:

— Братец, ты сегодня какой-то равнодушный.

А-Мань приподнял бровь:

— Разве? Я не заметил.

Так они и разговаривали, пока не добрались до дома, где увидели вздыхающих и озабоченных родителей.

А-Мань сходу спросил:

— Что случилось?

Родители посмотрели на него:

— ... Сегодня твой отец ходил в горы. Непонятно, что за напасть, но ни одной змеи, даже полёвки не найти. И растения тоже — чуть тронешь, рассыпаются, даже чтоб просто утолить голод не годятся.

Женщина добавила:

— И ещё. Дядя Фань сказал, что вы ходили в дом шаманки?

Услышав это, А-Ин с возмущением собралась рассказывать о произошедшем, но едва начала, как женщина, нахмурившись, отругала её:

— Другие сторонятся, не подходят, а вы сами туда лезете? С тех пор как невестка в том доме забеременела, будто черти попутали... Может, это они навлекли эту напасть!

А-Ин с недоверием смотрела на женщину:

— Мама, что ты такое говоришь? Ты же раньше так хвалила сестрицу А-Гуань, говорила, что она, наверное, дочь Бога-Барана...

— Хм. — в глазах женщины читались и зависть, и опасение. — Кто знает, дочь ли она божества или же оборотень! В нашей деревне никто не бросал детей, а тут вдруг та старуха ни с того ни с сего нашла её, да ещё и выросла такой соблазнительной... Я слышала от А-ПИна, что те заморские иностранцы говорят, будто баран — это демоническое божество, знак несчастья...

Она говорила, с беспокойством глядя на молчавшего рядом мужчину, затем обняла его руку и тихо добавила:

— Если всё, во что мы верили раньше, были просто демонами и нечистью, разве мы не способствовали...

Женщина не договорила, но смысл был ясен.

А-Мань смотрел на болтливую мать и молчаливого отца, и на душе у него стало тревожно и тоскливо.

Он не стал тратить слов и просто увёл А-Ин прочь от этой гнетущей атмосферы.

На следующий день А-Мань решил сам пойти в горы поискать «выход», А-Ин пошла с ним.

По пути они встретили А-Вэня, то есть — Ян Вэня.

Ян Вэнь тоже был из деревни, и хоть с А-Манем они близко не общались, но несколько раз виделись.

У Ян Вэня тоже была сестра, которую он тоже взял с собой. Не сказать, что они с А-Ин были друзьями, так, общались просто.

Насколько помнил А-Мань, сестра Ян Вэня была неразговорчивой, робкой и пугливой.

Встретившись, Ян Вэнь поздоровался:

— Ян Мань.

Он спросил А-Маня:

— Куда направляетесь?

А-Мань равнодушно взглянул на него, не удостоив ответом, и продолжил путь.

Ян Вэнь несколько не смутился, а пошёл следом:

— Я тоже иду в горы, может, пойдём вместе?

Он склонил голову набок, улыбаясь. В сочетании с его привлекательной внешностью это выглядело элегантно и галантно, - самое то, чтобы девицы краснели на раз-два.

Но А-Мань относился к нему весьма прохладно:

— Иди, если хочешь, сколько можно болтать.

И Ян Вэнь пошёл за ним.

И не только Ян Вэнь, по пути они встретили ещё и Ян Хаохао.

Отношения между Ян Хаохао и А-Манем были неплохими, да и А-Ин очень её любила, поэтому увидев, сразу подбежала поздороваться:

— Сестрица Хаохао!

Ян Хаохао, увидев А-Ин, улыбнулась, погладила её по голове, перекинулась парой фраз, а затем взгляд её упал на А-Маня и Ян Вэня. С Ян Вэнем она не была так уж близка, поэтому обратилась к А-Маню:

— Вы... тоже собрались в горы?

А-Мань в ответ утвердительно промычал.

Ян Хаохао:

— Тогда пойдёмте вместе.

А-Мань не только не отказался, но и согласился:

— Ладно.

Ян Вэнь посмотрел на него, затем на Ян Хаохао, и двусмысленно усмехнулся.

А-Мань заметил его взгляд и несколько опешил: «?»

Что ещё задумал этот улыбчивый хищник?

Они пошли в горы. Когда подол платья Ян Хаохао задел несколько цветов, те мгновенно рассыпались в пепел, словно всё вокруг было ненастоящим.

У Ян Хаохао от этого зрелища побежали мурашки.

Она потрогала ствол большого дерева, и кора, которая должна быть прочной, была словно высохшая трава, рассыпающаяся в пыль при малейшем прикосновении.

Она пробормотала:

— Что же... происходит?

А-Мань не ответил, наострив уши:

— В той стороне что-то есть.

Они двинулись в указанном А-Манем направлении и, пройдя немного, увидели юношу в лёгкой одежде, с большой птицей за спиной. Он стоял ногой на голове мужчины, а заострённая деревянная палка в его руке была готова вонзиться в шею. Ян Хаохао широко раскрыла глаза и крикнула:

— Остановись!

Только тогда юноша замедлился, поднял взгляд и приподнял бровь, глядя в их сторону.

Выражение его лица было спокойным, но, встретившись взглядом с А-Манем, его холодные и свирепые персиковые глаза внезапно вспыхнули некоторым оживлением. Хотя улыбка и интерес были едва заметны, он выглядел куда лучше, чем секунду назад в ледяной ярости. Но более проникательные люди всё же могли уловить его опасность.

Он склонил голову набок, уставившись на А-Маня:

— А-Мань, ты тоже так считаешь?

А-Мань взглянул на пригвождённого к земле человека, которого невозможно было опознать, и примерно догадался, что произошло. Вероятно, тот увидел, как Ян Чжаолинь добыл пищу, позавидовал и попытался отнять, но был повержен.

... И это неудивительно. Ян Чжаолинь был самым сильным в их поколении, с детства обладал недюжинной силой и в драке мог одолеть десятерых.

А-Мань с ним был ближе всех.

Все в деревне знали, что с Ян Чжаолинем не могли справиться даже родители, но А-Мань был другим. Ян Чжаолинь с самого детства всегда был готов выслушать А-Маня. Пусть не во всём, но его отношение к нему было не в пример лучше, чем к остальным.

— ... Убийство противозаконно.

А-Мань смотрел на него.

Ян Чжаолинь убрал ногу и с некоторой апатией ткнул самодельным копьём в почти задохнувшегося человека:

— Помни милость А-Маня.

Тот мужчина кое-как поднялся и, не смея вымолвить ни слова, пустился наутёк.

Ян Вэнь с видом знатока посмотрел на них, словно был очень близок с Ян Чжаолинем, и спросил его:

— Ты узнал, что вчера А-Мань их обидел, и специально устроил этот спектакль?

Медленно подходивший Ян Чжаолинь, услышав это, тут же ткнул копьём в сторону Ян Вэня. Тот успел среагировать и схватил деревяшку, и только потому, что Ян Чжаолинь не собирался его убивать, ему это удалось.

Выражение лица Ян Вэня дрогнуло. Он вытаращил глаза, с недоверием глядя на Ян Чжаолиня, а тот тихо усмехнулся, и в его глазах читалась лёгкая насмешка:

— «А-Мань» — тебе ли так его называть?

Ян Вэнь: «...»

Чёрт, совсем забыл, что он псих.

Хоть А-Мань и не любил Ян Вэня, но смутно чувствовал, что сейчас лучше не устраивать «внутренние разборки», поэтому он протянул руку и схватил палку, останавливая Ян Чжаолиня:

— Хватит.

Он кивком указал на птицу за его спиной:

— Как ты её добыл?

— Встретил по дороге в лесу, полумёртвую, без сознания.

Ян Чжаолинь опустил копьё. Поскольку на нём была майка-безрукавка, его напряжённые, бугрящиеся мускулы были крайне вызывающими и сильно диссонировали с его ярким, ядовито-змеиным лицом. Но, подумав о ядовитой змее, понимаешь, что так и должно быть.

Каждый раз, видя его, А-Мань не мог не думать: они все ели один рис и пили одну воду, так почему же Ян Чжаолинь вырос таким крепким?

Ян Чжаолинь с улыбкой пригласил А-Маня:

— Хочешь поесть со мной?

Он сказал:

— Если это ты, я готов поделиться... с твоей сестрой, пожалуй, тоже, но с этими тремя — нет.

Ян Хаохао не взяла с собой свою сестру, как и Ян Чжаолинь.

Отношения между Ян Чжаолинем и его сестрой были очень плохими, почти как у чужих, и это в деревне тоже все знали.

А-Мань: «...»

Он не смог удержаться от вопроса:

— Почему ты так хорошо ко мне относишься?

Ян Чжаолинь на мгновение задумался:

— Потому что ты красавчик?

Он усмехнулся небрежно, словно просто пошутил:

— Может, в прошлой жизни ты был моей законной женой.

А-Мань: «?»

Что за бред?

— Посмотри на свои длинные волосы. Если у нас и было что-то в прошлой жизни, то женой был точно ты.

Ян Чжаолинь слегка приподнял бровь, играя кончиками волос:

— Тебе не нравится?

Его тон был таким, что любой подумал бы, что стоит А-Маню сказать «нет», и он тут же пострижётся. Однако А-Мань ещё не ответил, а он уже отпустил волосы и прямо заявил:

— Нравится тебе или нет — придётся терпеть.

... Вот почему А-Мань никогда не считал их отношения особо близкими и не видел никакой связи между ними и деревенскими сплетнями.

Просто... от формулировок Ян Чжаолиня про «нравится/не нравится» его выворачивало, а по коже бежали мурашки.

Поэтому он решил сменить тему:

— Ты видел бабушку?

Ян Чжаолинь склонил голову набок:

— Ты про шаманку?

Он ответил:

— На алтаре, наверное.

Тогда они вместе отправились к алтарю и увидели, что шаманка и вправду стоит там на коленях, что-то бормоча.

Алтарь был сложен из бесчисленных странных камней. Камни были овальными, очень гладкими, размером с ладонь, чёрно-красного цвета, со слабо заметными странными узорами, похожими на трещины.

Увидев их, шаманка подняла взгляд.

Она была уже в возрасте, но её глаза не были мутными, а, напротив, были пронзительными, словно могли заглянуть в самую душу.

Её взгляд упал за спину Ян Чжаолиня, и она сказала:

— Это мясо нельзя есть.

— Это жертва Богу-Барану.

Ян Чжаолинь фыркнул:

— Он получил уже достаточно жертв. Если он снова ничего не даст взамен, люди в деревне умрут с голоду.

Шаманка вздохнула:

— ... Все сами согласились на это. Бог-Баран вскармливал нас все эти годы, а мы вскармливаем его всего лишь десять месяцев.

На их памяти и вправду было такое.

Год назад шаманка собрала деревенских и сообщила всем семьям, что после стольких лет пришло время отблагодарить Бога-Барана, и тогда все согласились.

Ладно.

Ян Чжаолиню нечего было сказать, и он уловил ключевой момент:

— Значит, хватит десяти месяцев?

Но шаманка больше не стала говорить, лишь изрекла:

— Нельзя подглядывать, нельзя исследовать всё, что касается божества.

Ян Чжаолинь цыкнул, беззвучно разминая запястье.

А-Мань и сам не знал почему, но, казалось, понял, что тот собирается сделать, шагнул вперёд и схватил его за руку.

Его ладонь была прохладной, и когда она коснулась обжигающе горячей кожи Ян Чжаолиня, оба замешкались.

Ян Чжаолинь прищурился на него. А-Мань слегка покачал головой, и Ян Чжаолинь больше не двигался, даже покорно опустил птицу на землю.

Затем А-Мань спросил шаманку:

— Бабушка, когда братец А-Юн вернётся домой?

Шаманка удивилась:

— ... В прошлом письме писал, что в следующем месяце.

— Хорошо.

Бросил на прощание А-Мань, уводя Ян Чжаолия. Хотя тон его был отстранённым и безразличным, забота была искренней:

— Мне почему-то беспокойно. Вам лучше присматривать за сестрицей А-Гуань получше.

Ян Вэнь тоже ушёл с ними, а вот Ян Хаохао осталась, о чём-то разговаривая с шаманкой. Но А-Маню было лень вдаваться в подробности.

Ян Вэнь взглянул на них. А-Мань отпустил руку Ян Чжаолия, ещё не успев ничего сказать, как снова услышал многозначительные слова Ян Чжаолия:

— А-Мань, я старше тебя на семь лет, а ты ни разу не назвал меня братцем.

А-Мань: «...»

Неужели сейчас время думать о таком?

Он был крайне раздражён, и уже собирался ответить ему, как сзади раздался радостный голос:

— Братец А-Мань!

Несколько человек обернулись и увидели Ян Бая.

Ян Бай тоже хорошо ладил с А-Манем, и в деревне ходила молва, будто он его тень.

Ян Чжаолия тоже знал об этом, но, слышать такое обращение, ему было крайне неприятно.

... Такое чувство, будто все, кому не лень так и норовили протянуть свои ручонки к его добыче.

Он что, мёртвый?

Ян Бай почувствовав враждебность Ян Чжаолия, сделал пару шагов в их сторону, и замер, не зная, стоит ли продолжать.

Пока он колебался, А-Мань первым нарушил молчание:

— Что-то случилось?

В его тоне явно сквозила некоторая холодность, отчего Ян Бай опешил.

Насколько он помнил... братец А-Мань вроде бы не должен был быть таким, но почему-то... он всё равно чувствовал, что разницы нет.

Ян Бай не стал долго раздумывать:

— Просто хотел спросить, сколько у вас осталось запасов?

Запасы в каждой семье и вправду подходили к концу. Никто не знал, сколько продлится эта внезапная беда — голод. Говорят, в беде познаётся человек. Деревня, обычно живущая в мире и согласии, теперь показывала своё истинное лицо. Даже самые близкие друзья не раскрывали друг другу всех карт.

Ян Бай тоже это понимал, но он просто чувствовал... что Ян Мань и другие будут другими.

Даже помня столько грязного, уродливого предательства, когда даже родные братья разыгрывали спектакли, он всё равно верил... что по крайней мере эти двое - Ян Мань и Ян Хаохао, не связанные с ним кровными узами, не предадут его.

Эта странная, глубокая уверенность ошеломяла даже самого Ян Бая.

Очень странно.

И действительно, А-Мань не обманул его доверия. Хотя его отношение и оставалось холодным, он честно ответил:

— Немного. В моей семье пришлось зарезать собаку и засолить мясо, и всё равно придётся экономить. Сегодня, перед уходом, я проверил закрома, и там тоже пусто.

Ян Вэнь тоже сказал:

— У нас дома примерно то же... Боюсь, сейчас в деревне у всех так.

— ... И что же делать дальше?

Ян Бай сглотнул:

— Если беда не закончится, пока у нас не кончатся все силы и запасы...

А-Мань слегка склонил голову набок, и недоумение в его глазах было искренним:

— Мне вот интересно...

Он спросил:

— Почему вы все не думаете о том, чтобы уйти?

Ян Вэнь и другие замерли. Ян Бай пошевелил губами, и в его глазах читалась машинная, тупая растерянность:

— Уйти... но там война... а здесь, по крайней мере, безопасно.

Неужели безопасно?

А-Мань усмехнулся, не комментируя эти слова.

Он больше ничего не сказал, и просто повёл А-Ин домой. По пути они встретили немало сельчан — одни уже вернулись с гор, другие сменяли их, готовясь только идти туда. Сейчас в каждой семье не хватало еды, и все были настороже, чтобы не сумев найти пищу, не стать жертвой кражи. Вот уж действительно - хотел украсть курицу — да не только не украл, а ещё и пучок риса потерял*.

* 得不偿失 (tōu jī bù chéng shí bǎ mǐ) - Эта идиома описывает ситуацию, когда человек пытается получить небольшую выгоду нечестным или рискованным способом, но всё идёт не так, и он теряет даже то, что имел изначально.

Он помнил лица всех, кого встречал, но разные люди вызывали у него разные ощущения. Некоторые были похожи на Ян Цяньфаня, А-Гуань и его родителей, а другие вызывали ощущения, схожие с Ян Чжаолинем, Ян Хаохао, Ян Баем и даже Ян Вэнем.

Последних было меньшинство, их можно было пересчитать по пальцам.

Это странное ощущение невозможно было описать, просто...

А-Мань нахмурился.

Ян Чжаолинь взглянул на него:

— А-Мань, чего хмуришься?

А-Мань:

— ... У тебя что, своего дома нет? Зачем ты идёшь ко мне домой?

Ян Вэнь проявил такт и не пошёл следом, а этот прилип как мазь, на собачьей шкуре*.

* 狗皮膏药 (gǒu pí gāo yào) - эта идиома со сленговым, пренебрежительным оттенком означает навязчивого, докучливого человека или вещь, которую невозможно отклеить / отвязать / избавиться.

Ян Чжаолинь приподнял бровь:

— Есть разговор.

Он ещё раз взглянул на А-Ин и с улыбкой добавил:

— К тому же, мне кажется, наша сестрёнка меня любит.

А-Ин, до этого почему-то почти не говорившая, наконец обрела голос:

— Ага!

Она, сверкнув глазами, подняла голову к Ян Чжаолиню и продемонстрировала сияющую улыбку:

— Я очень люблю братца А-Линя!

Улыбка Ян Чжаолиня была притворной, но его персиковые глаза всё же слегка прищурились.

А-Мань был несколько раздражён, но всё же спросил:

— О чём ты хотел поговорить?

Ян Чжаолинь:

— Ты же видишь, что творится в деревне. Не знаю, что думают другие, но я хочу подстраховаться.

А-Мань замедлил шаг:

— ... Что ты имеешь в виду?

Ян Чжаолинь склонил голову:

— Мне тоже не нравятся их методы. Но даже с моей силой одному против всей деревни не выстоять. Я не слишком популярен среди остальных, придётся тебе помочь их привлечь.

... Вообще, у А-Маня была такая же мысль.

Насчёт других он не был уверен, но по крайней мере Ян Бай и Ян Хаохао точно будут против, если дело дойдёт до людоедства... Кстати, почему он так в этом уверен?

Ведь столько обычно мягких и добрых односельчан уже показали своё уродливое лицо.

А-Мань и Ян Чжаолинь встретились взглядами. Хоть они ничего и не сказали, он просто чувствовал, что у Ян Чжаолиня такие же мысли и идеи.

А-Мань ответил:

— Ладно.

Договорившись, Ян Чжаолинь больше не приставал к нему.

Но А-Мань не стал рассказывать об этом остальным, и лишь потом уличив момент поговорил с Ян Хаохао и Ян Баем.

Голодные дни продлились ещё два дня. В доме А-Маня ещё оставалась еда, чтобы утолить голод, да и он сам мог терпеть. Но, по словам матери, в деревне уже несколько семей, возможно, остались совсем без еды

«Без еды» здесь означало, что не осталось абсолютно ничего.

Отец с матерью говорили об этом, не скрываясь от А-Ин, поэтому та тоже слышала.

И вот в тот вечер, в сумерках, А-Ин, качая руку А-Маня, умоляла его:

— Братец, я волнуюсь за сестрицу А-Гуань и бабушку, пойдём проведаем их, хорошо?

А-Мань посмотрел на младшую сестру и не смог отказать:

— Ладно, пошли проведаем.

Только на этот раз чтобы уйти из дома пришлось постараться, потому что родители к тому времени уже начали запрещать им выходить.

Они говорили, что сейчас на улице может быть опасно.

Отец лишь упомянул об этом, а вот мать заявила прямо:

— Те, у кого нет еды, могут вас связать и обменять на провизию... Не вините мать в жестокости, вы же знаете, как обстоят дела дома. Если они и вправду потребуют обмен, мы ничего не сможем дать, и придётся вас оставить им.

Услышав это, А-Мань холодно взглянул на неё:

— «Оставить им»? И что они сделают?

— ... Может, продадут вас наружу в обмен на еду!

Мать немного испугалась его взгляда, но продолжила:

— Вы такие белые и нежные, наверное, можно выручить немало.

А-Мань усмехнулся:

— Хорошо бы, если бы только продавали.

А не ели.

Сказав это, он, не оглядываясь, увёл А-Ин прочь.

Если представится возможность в будущем... надо обязательно увести А-Ин из деревни.

Думал А-Мань.

Это место, даже если завтра голод закончится, оставаться здесь нельзя.

Кто бы ни был, все, кажется, вырастают такими вот бездушными.

Аж тошнит...

А-Мань, держа А-Ин за руку, шёл наружу. Последние лучи заходящего солнца освещали деревню, и в полумраке казалось, будто кругом бушует огонь, отчего во взгляде А-Маня мелькнуло понимание.

Они пришли к дому шаманки как раз вовремя. Едва они перекинулись парой слов с А-Гуань и шаманкой, как появились Ян Чжицян и другие с острыми сельскохозяйственными орудиями.

На этот раз всё отличалось от прошлого раза, когда они просто буянили. А-Мань с первого взгляда понял, что те пришли с дурными намерениями, и без колебаний попытался затолкнуть А-Ин и А-Гуань в дом:

— Быстро внутрь.

Но А-Ин обхватила его руку:

— Я останусь с братцем!

А-Гуань тоже покачала головой, тихо улыбаясь:

— Всё из-за еды, они просто хотят напугать.

Нет.

А-Мань и сам не знал почему, но он просто знал.

Не всё так просто.

А-Мань встал перед ними щитом и спросил:

— Дядя Цян, что вы задумали?

Ян Чжицян оглядел его, словно оценивая, легко ли будет его одолеть:

— У меня дома нет еды, и не только у меня, у этих твоих дядек тоже ни зёрнышка.

— Вы сами не сумели сберечь еду, не припасли на чёрный день, и теперь, оставшись без пищи, пришли к бабушке и сестрице А-Гуань?

Слова А-Маня звучали как откровенное указание на дверь, особенно его фениксовые глаза, прищуренные, и источавшие царственное подавление, вызывавшее тревогу.

Его защитная поза была явной, поэтому...

Ян Чжицянь сжал серп в руке, а его глаза налились кровью:

— А-Мань, не лезь не в своё дело. У нас нет еды, естественно, мы пришли к ней просить.

А-Гуань вздохнула:

— Дядя Цян, у нас тоже осталось всего несколько булочек. Посмотри, у меня ведь ребёнок, моя мать уже несколько дней не ела...

— Конечно, ты одна в два рта ешь.

Мужчина позади Ян Чжицяня злобно прорычал:

— Но у тебя одно тело, а внутри ещё одно... столько времени носишь, живот уже немаленький, наверное, уже сформировался.

А-Мань закрыл глаза, думая, что это и вправду худший сценарий.

Услышав это, А-Гуань и шаманка с недоверием уставились на него. Всегда мягкая шаманка сразу разгневалась:

— Ян Туншэн! Что ты имеешь в виду?!

— Что имею в виду... — ответил ей не Ян Туншэн, а другой мужчина, смотрящий на них мрачным взглядом. Он облизнул губы, словно уже придумал, как насытиться, — Мы ведь очень давно не ели мяса.

Одной этой фразы им хватило, чтобы всё понять.

Шаманка смотрела на этих людей, с которыми жила бок о бок, почти как с семьёй, словно впервые их видела.

Всю жизнь она практиковала духовные практики, с детства ничто не вызывало в ней таких колебаний — ни рождение сына, ни женитьба сына, ни Бог-Баран... её чувства всегда были сдержанны. Но в этот момент шаманка, вне себя от гнева, с горькой улыбкой на лице, испытывала глубочайшее разочарование.

Человеческое мясо.

Но А-Мань по-прежнему заслонял их собой. Юношеское телосложение не было массивным, но его силуэт выглядел крепким, как скала. Он язвительно усмехнулся, и в его голосе сквозило отвращение:

— И вы действительно на это способны.

— Волки тоже едят своих сородичей! Сейчас кризис — это...

— Волки — скоты, а ты что, тоже скот?!

Не дав тому договорить, А-Мань прервал его.

Тот замолчал, а Ян Туншэн пробормотал так, что все услышали:

— Ещё неизвестно, люди ли они, эта семейка... какой там Бог-Баран... может, они всё выдумали, чтобы обмануть нас. И эта женщина!

Он направил серп на А-Гуань. А-Маню пришлось отступить на шаг, прижимая А-Гуань, чтобы в случае чего успеть защитить её.

Ян Туншэн:

— Все знают, что шаманка подобрала её младенцем в горах, а выросла такой соблазнительной... Может, она и не человек вовсе! Так что, если мы убьём и съедим её, это будет на благо деревни.

А-Мань холодно рассмеялся, словно глядя на жалкого клоуна*:

— Уже ищите оправдания и причины для своих безумных поступков — убийств и людоедства?

* 跳梁小丑 (tiàoliáng xiǎochǒu) - Идиома восходит к древнему даосскому тексту «Чжуанцзы» (ок. IV в. до н.э.): «跳梁小丑，可以亡国，可以丧身，可以灭族，可以残害百姓，可以扰乱天下，可以毁灭万物，可以毁灭一切。」 - «Тот, кто прыгает по балкам, может и не причинить большой вред, но он раздражает и вызывает отвращение.»

В древности так называли дикого зверька (например, ласку или хорька), который забирался в дом, прыгал по потолочным балкам, шумел, пугал людей — но не был опасен. Со временем выражение стало применяться к людям, которые вели себя нагло, вызывающе, театрально, казались опасными или значительными, но на деле — ничтожны и смехотворны.

Всего одной фразой он вывел Ян Туншэна из себя. Тот сжал серп в руке:

— Щенок...

Он злобно уставился на А-Маня:

— Если сегодня станешь её защищать, мы прикончим твою сестру! Думаешь, остальные в деревне продержатся долго?! Когда еды совсем не останется, людоедство станет лишь вопросом времени! Если станешь её защищать, твоя семья будет первой на очереди!

А-Гуань и шаманка одновременно посмотрели на А-Маня. У А-Гуань слегка покраснели глаза, а шаманка тихо проговорила:

— А-Мань, возвращайся, скоро ночь, иди домой и ложись спать пораньше. Уснёшь — и не будешь чувствовать голод.

— Нет!

А-Мань ещё не успел ничего сказать, а А-Ин уже крепко обняла руки А-Гуань и шаманки:

— Сестрица А-Гуань, бабушка, А-Ин и братец защитят вас!

— Хорошо сказано.

А-Мань поднял руку. Непонятно, как он это сделал — знал только он сам, — но он резко рубанул рукой, Ян Туншэн почувствовал боль в запястье, а серп, крепко зажатый в его руке, оказался в руке у А-Маня.

А-Мань слегка размял шею, поднял серп и, сменив угол, направил его на толпу. В его глазах читалась свирепость, он выглядел очень грозным:

— Посмотрим сегодня, кто ещё окажется скотом.

Ян Туншэн схватился за больное запястье, но вместо того, чтобы разозлиться, рассмеялся:

— И ты один собираешься драться с нами, со всеми?

А-Мань многозначительно усмехнулся:

— Ян Чжаолин, долго ещё будешь просто наблюдать?

— ... Я просто не хотел отнимать у тебя славу, А-Мань.

Раздался неспешный мужской голос. С другой стороны карниза перекинулся мужчина. Он стоял на краю крыши, в последних лучах заката махая рукой толпе внизу:

— Вы по одному пойдёте или все вместе?

— Давайте все вместе.

Ян Чжаолинь опустил взгляд, его длинные волосы развевались на ветру, а персиковые глаза были столь же ледяными, как у А-Маня, что в этот миг делало их невероятно похожими:

— Ведь клопов бьют всех разом* ^^

* 一窝一窝地 (dǎ chòu chóng dōu shì yī wō yī wō dǎ de) - букв. «Клопов бьют гнёздами — по одному гнезду за раз».

Это не классическая идиома, а разговорное, образное выражение, часто используемое в политической, криминальной или морализаторской риторике. Оно означает, что преступники, коррупционеры или вредители редко действуют в одиночку — их нужно уничтожать целыми сетями, группами, «гнёздами» целиком.

<http://bllate.org/book/12898/1133640>